

В поисках равновесия и чистоты

Анри Матисс. 1944 г.

Декабрь оказался скучным на юбилей. Особенно звучных нет. И все же выберем один: 125 лет со дня рождения французского живописца, графика и мастера декоративного искусства Анри Матисса. В июле 1993 года в Москве с большим успехом прошла грандиозная выставка его произведений. Вспомним еще раз Мастера. Он достоин этого.

Анри Матисс родился 31 декабря 1869 года в небогатой семье. Мать — модистка. В творчестве Матисса дамские шляпки будут играть немалую роль, как, впрочем, и цветы, ленты, безделушки, шелковые ткани — словом, обязательные аксессуары женской моды. Но это потом. А вначале Матисс изучал юриспруденцию, работал помощником адвоката. Однако судебные дела не увлекли молодого Анри, и он в 1890 году переключился на искусство. Учился в Париже — в академии Жюлиана и в школе изящных искусств.

Как художник Матисс на пер-

вых порах находился под влиянием импрессионизма и неоиmprессионизма, ему нравился Гоген, искусство арабского Востока. Переболел пуантилизмом, затем фовизмом (был даже лидером этого направления), а в конце концов нашел свой стиль — стиль Матисса. Ему удалось добиться того, что искал Гоген, — решить проблему света, овладеть неуловимой, как выразился Морис Дени, «химерой всего современного искусства».

Кто видел полотна Матисса в Пушкинском музее, бывавал на его выставке 1993 года, тот наверняка был покорен светом этих произведений, захвачен радостным ощущением, которое они излучают.

Матисс был настоящим эпикурейцем, художником радости. В середине 30-х годов он писал: «Я стремлюсь к искусству, исполненному равновесия, чистоты, оно не должно беспокоить и смущать. Я хочу, чтобы усталый, надорванный, изнуренный человек перед моей живописью вкусил покой и отдых».

И Матисс этого добился: его картины пронизаны лучами солнца. От его интерьеров, ковров, женских фигур, цветочных пятен и арабесок веет успокаивающим уютом и гармонией.

Особую роль в судьбе Матисса сыграли русские коллекционеры Сергей Щукин и Иван Морозов. Щукин появился в мастерской художника осенью 1906 года. Натюрморт «Посуда на столе» стал первой вещью в русских собраниях. Следует отметить, что русская публика принимала живопись Матисса с трудом. Это было особенно заметно весной 1908 года в «Салоне «Золотого руна» в Москве. И Щукину пришлось «пробивать» интерес к французскому художнику.

Щукин увлекся Матиссом самозабвенно, он говорил: «Матисс для меня выше, лучше и ближе всех... Ведь у него праздник, ликование красок». Коллекционер заказал художнику панно для парадной лестницы своего особняка в Знаменском переулке. 4 декабря 1910 года панно «Танец» и «Музыка», ставшие впоследствии знаменитыми, прибыли в Москву.

«Я очень люблю танец, — говорил Матисс. — Удивительная вещь — танец: жизнь и ритм. Когда мне нужно было сделать танец для Москвы, я просто отправился в воскресенье в Мулен де ла Галетт. Я смотрел, как танцуют. В особенности смотрел на фарандолу... Вернувшись к себе, я сочинил мой танец на плоскости четырехметровой длины, напевая мотив, услышанный в Мулен де ла Галетт...»

Художник рисовал, напевая, а мы смотрим на «Танец» с затаенным дыханием, настолько он завораживает и притягивает к себе.

Щукин пригласил Матисса в Россию, и 22 октября 1911 года художник приехал в Петербург (увы, Эрмитаж был закрыт), а затем гостя привезли в Москву. Интересно просматривать газеты того времени, освещавшие визит

Матисса. В основном реакция была негативная, мол, еще один «французик из Бордо». Слышалось безапелляционное утверждение, что «картины «матиссов» не могут быть ни в каких смыслах названы художественными произведениями», всего лишь «раскрашенные полотна», да и только!

Тем не менее Матисса принимали хорошо и хлебосольно (точнее, с шампанским и севиroyгой). Ему показали московские достопримечательности, пригласили на вечер в обществе «Свободная эстетика», где выступили молодой философ Федор Степун и поэт Андрей Белый, который, как всегда, говорил «туманно, афористично», что и русский с трудом понимал. Небезынтересно прочитать об этом событии у самого Андрея Белого: «Приводили сюда и Матисса; его считали «московским» художником; жил он в доме Щукина, развешивая здесь полотна свои. Золотобородый, поджарый, румяный, высокий, в пенсне, с прилизанным, четким пробором, — прикидывался «камарадом», а выглядел «мэтром»; ввалился толпа расфранченных купчих и балдела, тараша глаза на Матисса; Матисс удивлялся пестрятине тряпок... голизне... Не хватало колец, продержнуть в носики...» Но нашлись и эстеты, которые интересовались соотношением рисунка и цвета в живописи, задавали вопросы, как достичь красоты красок, должны ли переживания красок быть имманентны рисунку... Матисс ответил на все вопросы.

И все же Матисс многим, воспитанным на полотнах Саврасова и Федотова, не нравился. Вот и чуть позднее высказался Осип Манделштам: «Я невзлюбил Матисса, художника богатей. Красная краска его холстов шипит содой. Ему не знакома радость наливающегося плодов. Его могущественная кисть не исцеляет зрение, но бычью силу ему придает, так что глаза наливаются кровью. Уж

мне эти кровавые шахматы и одалиски! Шахские прихоти парижского мэтра!»

А тем не менее «шахские прихоти парижского мэтра» завоевали в 20-е годы международное признание. Волшебник цвета, Матисс работает не только в живописи, но в керамике, скульптуре.

В январе 1941 года Матисс перенес тяжелую операцию и находился на грани жизни и смерти. Ухаживающая за ним сиделка Мари-Анж сказала: «Я никогда не знала более мягкосердечного человека, у него сердце ребенка и женщины».

«Все ново, — признавался Матисс, возвратившись после болезни в Ниццу в начале 1943 года, — все свежо, как если бы мир только что родился. Цветок, листок, камень — все сверкает, переливается... как это красиво! Я не раз говорил себе, что мы профанируем жизнь: поскольку мы видим вещи, мы на них больше не смотрим. Мы приносим им лишь притупленные чувства. Мы больше не чувствуем. Мы насыщены... Нужно раз в неделю одновременно открывать все ставни, и тогда какой накал! какой ослепительный свет! какая россыпь драгоценностей!..»

Так же, как Тициан, Вольтер, Энгр, Гюго, победоносно преодолев 80-летний рубеж, Анри Матисс дожил до всемирной славы. Он умер 3 ноября 1954 года на руках своей дочери Маргариты, не дожив чуть менее двух месяцев до 85 лет.

Матисс мечтал об искусстве равновесия и покоя. И он воплотил мечту в своих картинах. Ну а нам, русским, «покой нам только снится» сквозь кровь и пыль... И хорошо лишь то, что в промежутках бега «степной кобылицы» мы можем остановиться и хоть мельком посмотреть на картины Матисса. Опять же для некоторого успокоения. «И вечный бой!..»